

Операция "СЯ" **или суета вокруг гостайны** Авраам Фраер

Эту незаурядную операцию провело УКГБ по Свердловской области в начале восьмидесятых. Впрочем, начиналось все довольно банально и даже не строго секретно, до бойцов невидимого фронта дело дошло не сразу.

Учеба Пете Бургасову давалась довольно трудно. Оставшись на второй год в 7-м классе, он не пал духом и перешел в ФЗУ. Училище Петя закончил успешно и, как активный общественник, был выдвинут в бригады комсомольской бригады, став одновременно студентом вечернего курса рабфака в Туле. Оттуда он удачно перевелся на дневное отделение 2-го Московского медицинского института. Там Петр Николаевич увлекся санпросветом и в конце 30-х годов окончил институт как специалист по борьбе с инфекциями. По направлению ЦК ВКПБ был принят в аспирантуру в ВИЭМ по специализации микробиология, между прочим, в отдел особо опасных инфекций.

На войну с Финляндией Бургасов ушел добровольцем, начальником санитарной службы батальона, стал там военврачом III ранга. В Отечественную служил в госпиталях, в санитарно-эпидемиологических отделениях. Войну закончил подполковником.

Согласно официальной версии, в апреле 1950 года его перевели в аппарат Л. П. Берии, где он занимался вопросами защиты от биологического оружия. Как он сам уточняет: "Чего мне уже скрывать, да, мы создавали бактериологическое оружие: рецептуры сибирской язвы, легочной чумы, оспы, ботулинического токсина. Но только для того, чтобы разработать вакцину против них" (из интервью 2006 г.)¹. Тем не менее, поручение Бургасову было крайне секретным: "С 1950 по 1953-й, работая у Берии, я ежемесячно записывал в две красные книжечки в сафьяновых переплетах: одна принадлежала Сталину, другая – Берии, от остальных информация была строго засекречена" (из интервью 2006 г.).

То есть даже, например, Хрущев с Жуковым и прочее Политбюро были не в курсе. Бдительность – железный закон социализма, тем более что как никак Советский Союз присоединился в 1927 году к Женевскому протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых, других подобных газов и бактериологических средств. Приходилось учитывать.

Бургасову, конечно, пришлось поволноваться летом 1953-го, когда "товарищ Берия вышел из доверия". Но он к тому времени заимел связи в правительстве,

покровители позаботились о Бургасове и срочно перевели в Генштаб, чем, видимо, и спасли от неизбежной участи разоблаченного английского шпиона.

В 1958 году по собственному желанию Петр Николаевич стал научным руководителем Свердловского военно-технического института или, проще говоря, "19-го городка". По официальной версии он занимался "разработкой

средств защиты войск и населения от бактериологического оружия – ботулинических токсинов и возбудителя сибирской язвы", защитил на этом секретную докторскую диссертацию.

Тема была тихая, уютная, до применения ой как далеко, так сказать, почти чистая наука, хотя и жутковатая. Имели место, конечно, и трудности с выбиванием бюджета. Однако бактериологическим оружием занимались не только в СССР, разведка об этом докладывала, что и помогало улаживать финансовые проблемы.

Маркус Клинберг, микробиолог и эпидемиолог, коллега Бургасова, эмигрировавший из Советского Союза через Польшу в Израиль, полковник израильской армии, в соответствующем институте в городке Нес-Циона занимал должность замдиректора. Во время поездок в Европу он делился информацией со своими кураторами из Союза. Был награжден орденом Трудового Красного Знамени за свой, так сказать, труд. Конечно, СССР интересовал не столько сам Израиль, сколько НАТО, но Клинберг и тут был в курсе дел, поскольку был причастен также к обмену опытом с американцами. Впрочем, НАТО тоже ведь улаживало свои трудности с финансированием на такие же бактериологические исследования.

А полковник Клинберг, между прочим, как-то внезапно исчез. Но не подумайте худого, не насовсем. Маркус Клинберг в 1983 году был тайно приговорен военным судом к пожизненному заключению, которое позже заменили двадцатью годами тюрьмы. От имени полковника долго шла радиоигра с СССР, любимое дело всех разведок мира. Об аресте официально объявили только в 1992 году, хотя в Москве, похоже, это стало понятно почти сразу. А Клинберг отсидел свое и, выйдя на свободу, даже давал интервью, мотивировав свои грехи коммунистическими убеждениями.

Тема бактериологического оружия вместе с защитой от него оставалась тихой заводью, Петр Николаевич процветал и даже стал академиком и генералом, перебрался в столицу. В 1972 году, правда, была принята Конвенция ООН о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсинного оружия, подписанная СССР в 1975 году. Статья 67-2 УК РСФСР грозила карами нарушителям Конвенции.

Пришлось, естественно, принять меры и усилить режим секретности. Но плодотворную научную деятельность это не нарушило, все продолжалось по плану. Но, как говорится, "и на старуху бывает проруха". Проруха случилась весной 1979 года.

Пригрело солнышко, снег начал таять, а из-под снега повылез на свежий воздух всякий зимний мусор. 2 апреля ветер понес этот мусор на юго-восток, такая уж в Свердловске роза ветров. Аэрозоль из 19-го городка накрыл район Вторчермета и далее, на много километров. Уже назавтра в пятидесяти километрах к юго-востоку от города заболела первая овца. Животные, они ведь более восприимчивы к этой заразе.

В один из следующих дней в 20-ю химмашевскую больницу Свердловска из района Вторчермет поступило человек шесть с диагнозом "острое воспаление легких". В течение суток они скончались. Еще несколько человек скончались в те же дни в других больницах. Все жертвы либо жили, либо работали, либо просто случайно оказались на Вторчермете. Более поздние исследования² выяснили, что

речь идет об узкой полосе, протянувшейся с северо-запада на юго-восток. Начиналась полоса у 19-го городка, далее были 32-й городок и керамический завод. Цеха завода неплохо вентилировались, что и повлекло десятки жертв среди персонала.

Но это стало известно потом, сначала из информации о вспышке эпидемии секрета не делали, дошло даже до "Голоса Америки". Но вскоре стало ясно, что это вовсе не воспаление легких, а разновидность сибирской язвы. Как результат начались гонения на мясо, самый подозрительный продукт в этом вопросе.

На рынке мясопродукты просто исчезли. На скотные дворы и хлева области хлынули комиссии по проверке, подозрительных животных забивали. Радио и телевидение просвещали население насчет обработки и покупки мяса, в газетах появились статьи на тему санпросвета. Торгующих в неположенных местах бабок штрафовали. Пошел слух о том, что инфекцию занесли из села Кашино. Дороги к югу от города, включая шоссе Челябинск–Свердловск, были перекрыты, проверялся любой транспорт. Посты милиции на въезде в Свердловск изымали все мясное. Был создан штаб по борьбе с эпидемией.

4 апреля в Свердловск прилетел Бургасов, официально – с целью организации борьбы с эпидемией. Впрочем, у срочного прилета была и другая, более важная причина – Бургасов понимал, что под подозрением и его детище – 19-й городок. Но пока меры принимались в духе санпросвета, в чем генерал был докой еще со студенческих лет. 7 апреля у Дома офицеров в 32-м городке установили щит: "Граждане! Эпидемиологические службы Свердловска предупреждают вас не употреблять в пищу мясные продукты. В городе началась эпидемия сибирской язвы в связи с недоброкачественным мясом".

А эпидемия не стихала. С керамического завода люди начали массами увольняться, там даже предлагали льготную очередь на машины, только бы не сбежали. Но не помогало, вентиляторы в цехах качали воздух прямо из 19-го городка. Врачи тоже были в панике, болезнь оказалась ранее малоизвестной легочной формой сибирской язвы. Кто мог, просто покидал Свердловск от греха подальше.

15 апреля штаб по борьбе с эпидемией обсуждал идею карантина, шла речь о том, чтобы город закрыть и изолировать полностью. День был солнечный, снег таял всюду, текли ручьи, а ветер уже вместе с ручьями по-прежнему разносил оставшийся от зимы мусор. Около двух недель ничего фактически не делалось. Если не считать бесплодной и бессмысленной борьбы с мясопродуктами.

А наверху между тем шла подковерная борьба. Санитарный врач Кировского района Перлин уже в первые дни эпидемии поставил вопрос о 19-м городке. Бургасов, к тому времени главный санитарный врач СССР, категорически возражал, защищая версию с зараженным мясом скота. Но эпидемия не стихала, кто-то повыше их обоих принял соломоново решение: версию с мясом оставить пока официальной, пропаганду в духе "мойте руки перед едой" и "берегись зараженного мяса" не менять, но начать бороться с результатами распространения аэрозоля из 19-го городка.

"По указанию Юрия Владимировича Андропова я лично контролировал "чистку" города и отправку из него оборудования,- рассказал бывший начальник Управления КГБ по Свердловской области Юрий Корнилов.- Помню, в один из

секторов мне даже пытались запретить бывать, хотя я точно знал, что на оборудовании там обнаружили штаммы сибирской язвы... " ⁵

Интенсивно проводилась поверхностная обработка почвы. Землю покрывали асфальтом, иногда бульдозеры срывали верхний слой, увозя почву. По ночам юг города чем-то поливали сверху, поутру на крышах появлялся белый налет. Шоссе на Челябинск открыли. Бродячих собак и кошек уничтожали. Всех больных свозили в 40-ю больницу. Началась массовая прививка населения Вторчермета. В 40-ю больницу свозили и пострадавших от прививки, переносили ее трудно: прививки от сибирской язвы сами оказались довольно опасными, были жертвы. Школьников прививали целыми классами. Среди них тоже были смертные случаи. Ходили слухи, что вакцина из-за спешки была не совсем та, что требовалась. Прививки от сибирской язвы не вполне соответствовала истинной причине заражения. Что бросает неприятный свет и на современную официальную версию о 19-м городке как разработчике только вакцины.

Власть была явно растеряна, ее действия нередко были не согласованы – дело о язве таскали из ведомства в ведомство, кто-то проводил вакцинацию, а кто-то пытался зачем-то ее засекретить, указание Андропова о “чистке“ города так толком и не было выполнено.

А про источник эпидемии уже весь город знал. Ползли слухи о количестве жертв, о поддельных диагнозах, о тайных захоронениях, гробах, залитых гашеной известью, о самоубийстве генерала из 19-го городка и даже о том, что это не сибирская язва, а какая-то жуткая смесь.

Свердловск посетил министр здравоохранения Петровский. Он выступал перед персоналом 40-й больницы и даже там излагал официальную версию. Несмотря на то, что уж в больнице об эпидемии знали все. И все боялись заразиться. Хоронить людей не находилось желающих. Морги были переполнены.

Неясность официальной позиции создавала трудности и для советской пропаганды. Первой разоблачать буржуазных писак бросилась "Литературная газета". Мол, продажные журналисты "из-за бугра" перепутали ящур с сибирской язвой. Но с официальной точки зрения либералы из "Литературки" несколько перестарались. Это я услышал от полковника Кондратьева из 5-го управления КГБ по Свердловской области позднее, в ходе воспитательной беседы. Затем постепенно подключились и другие газеты. Очень долго молчала "Правда", явно отражая панику и нервозность наверху. Но и она, в конце концов "отелилась", поддержав "мясную" версию. Видимо, власть, хоть и мучилась некоторое время, но все же пришла к выводу, что СССР нарушить Конвенцию никак не мог. Тем более что тут еще и Олимпиада на носу. Был, правда, у власти и другой вариант насчет вакцины, но он остался, так сказать, для служебного пользования. А "мясную" версию пропаганда защищала долго, ее можно было встретить еще в 1988 году в журнале "Мир науки". Даже из вакцинации пытались делать государственный секрет.

Растерянность сказывалась во многом. Дело об эпидемии сразу же, как полагается, возбудила прокуратура. Уже во времена Горбачева работник областной прокуратуры на собрании оппозиции пожаловался, что дело у них забрали. Генерал Андрей Миронюк, который в апреле 1979 года исполнял обязанности начальника особого отдела Уральского военного округа, в газетной статье примерно тогда же

сообщил, что 19-й городок предоставил им неверную информацию о розе ветров. С розой ветров Миронюк разобрался, после чего и у военной контрразведки дело тоже забрали. Вышеупомянутый полковник Кондратьев заявил еще в 1983 году, что и у областного КГБ дело изъяли, он так объяснял свое якобы незнание вопроса.

У кого же дело оказалось в конце концов?

Тема стала крайне секретной. В апреле 1979 года одну гражданку госпитализировали без сознания с температурой 42 градуса. В себя женщина пришла только через неделю. Когда чуть поправилась, явились представители правоохранительных органов в штатском, говорят: "Подпишите расписку о неразглашении на 25 лет. Если кому-нибудь расскажете, мы вас посадим". "Я, конечно, подписала", – рассказывает Раиса Смирнова (<http://www.1tv.ru/news/social/281087>). Много лет спустя она подала иск к Центру бактериологической защиты министерства обороны, который позже был присоединен к 48-му Центральному НИИ Минобороны РФ. Вспоминают в связи с язвой и "ящик", п/я А-3092.

Что до Бургасова, то он со временем созрел до новой идеи, существенно отличающейся от "мясной". Идея, правда, не совсем новая, еще Михаил Булгаков в романе "Мастер и Маргарита" вложил ее в уста одному нехорошему управдому: "Враги подбросили!" Вот версия Бургасова: "Сложно что-либо утверждать, но посудите сами: 6 апреля поступила телеграмма из Свердловска о случаях внезапной смерти. 10-го, вскрыв трупы, мы установили диагноз" (из интервью 2006 г.).

Врет академик, он был в городе уже 4 апреля и все знал. А вот зачем врет, ясно из продолжения интервью: "А еще 4 апреля "Голос Америки" передает, что в Свердловске – эпидемия сибирской язвы... когда в секретной лаборатории исследовали трупы, то выявили четыре штамма сибирской язвы. Два из них встречаются только в Канаде, другие два – только в ЮАР. Значит, в Свердловск эти возбудители кто-то завез и распылял их там в течение полутора месяцев".

Очевидно, что академик потребовал у соответствующих органов найти и обезвредить диверсантов! Не менее очевидно также, что в КГБ понимали – Бургасов сражается лишь за честь мундира. Но им поручили, люди дисциплинированные – пришлось выполнять.

И именно в этот момент меня угораздило в научном письме в Австралию весной 1980-го изложить кое-какие детали из истории эпидемии! Писал я между строк стержнем шариковой ручки без чернил, просто выдавливая текст. Конечно, о перлюстрации я слышал, но надеялся на невнимательность цензора, мол, работы у них много, авось проскочит. Ну а в худшем случае лишь выгонят доцента с работы, поскольку никаких секретов в письме не было, потому, в частности, что я их просто не знал. Упоминались там только факты, в городе известные каждому.

Надеялся также, что факт перлюстрации в суде не рискнут упоминать, поскольку ее официально в СССР нет. Незадолго до этого я решил одну довольно известную математическую задачу, – какая-никакая международная известность все же могла меня выручить.

Но, как оказалось, не пронесло! Областному управлению КГБ пришлось заняться подозреваемым в шпионаже, тем более что других кандидатур было крайне мало. Впрочем, сам подозреваемый несколько лет об этом не подозревал.

Кое-какой материал по мою душу в органах, конечно, имелся. Характеристики на меня писал Юрка, друг мой и собутыльник. Думаю, что характеристики были положительными. В меру, конечно, без всяких там "морально устойчив и политически грамотен", но на статью УК РСФСР никак не тянули. Помню, как еще в студенческие годы Юрка бегал с чайником за пивом, благородно не предлагая даже разделить расходы, подливал и расспрашивал, не помню уже о чем.

Но сейчас дело куда более серьезное и очень секретное, Бургасова боялись. Тем не менее, с секретностью у органов не все было в порядке. Помню взгляды двух руководящих стукачей, декана и секретаря парторганизации. Что-то они знали на самом деле, поскольку не без их участия меня перебросили еще в 1980-м с более секретного физтеха на куда менее секретный факультет. Мне, правду говоря, было все равно. Надо так надо.

В далеком городе Москве выходил журнал "Математические заметки", за отдел алгебры в нем отвечал профессор Мерзляков. До него каким-то образом дошли слухи о том, что в свердловской школе алгебраистов завелся шпион. В гневе Мерзляков отверг на всякий случай все подозрительные рукописи из Свердловска, попавшие в портфель журнала. Даже это меня сильно не удивило. Дело в том, что у Мерзлякова была слабость – не любил он мировой сионизм и как мог разоблачал его. Гуляя по родному Новосибирску, он показывал знакомым чугунную ограду с чем-то похожим на шестиконечные звездочки, мол, даже сюда зараза проникла! Так что особого повода для удивления у меня отказ не вызвал.

Впрочем, сам я ничего подозрительного вообще не замечал. Лишь спустя несколько лет пришлось припомнить то, что творилось вокруг.

Например, вдруг в квартире появилась милиция и предложила установить в ней охранную сигнализацию против воров на случай отъезда хозяев. Причем бесплатно, надо только перед отъездом позвонить и попросить включить. Маленький такой приборчик, мешать никому не будет. Установили приборчик, позаботились. На вопрос, кому еще такое счастье привалило, только ли нам, ответили что-то невнятное. Правда, воспользоваться приборчиком так и не пришлось.

Вот еще эпизод. Осень 1980-го командировка в Красноуральск, местная гостиница. В вестибюле пара мужчин, один помоложе. Второй, брюнет, увидев меня, вдруг бросился вверх по лестнице. Как будто от меня. Ну и возбудил охотничий инстинкт, помчался я следом за ним, непонятно было, с чего это понесся вверх данный брюнет. Кроме того, мне и самому нужно было в номер повыше. Но брюнет пропал, его нигде не было. Ну пропал так пропал, хотя выглядело это немного странно. Поэтому, видимо, я и запомнил ту погоню. Только спустя годы я понял, какие радужные надежды породил тот день в душе брюнета! И, как выяснилось позже, надолго. Поведение мое было явно подозрительным, брюнету уже чудилось дело о шпионаже! А в вестибюле остался лишь юноша, блондин, глядел он на меня несколько странно, можно даже сказать с опасением.

Спустя некоторое время в раздевалке столовой снова вижу юного блондина. Он спрашивает, как пройти в гостиницу. Мне как раз туда, ну мы и пошли вместе, разговорились. Велемир Цекич, тоже в командировке,

интересный человек – югослав, сын летчика коминформбюровца. Сейчас уже мало кто помнит, что это такое. Когда-то, в году так 1948-м, когда Сталин стал бороться с титовской кликой, югославы, оказавшиеся в СССР, тоже вместе со сталинским Коминформбюро стали разоблачать президента Югославии Тито. Летчик Цекич был в их рядах. Он так и застрял в Союзе, женился, его сын уже вырос в СССР.

Веля тоже расспрашивал меня о том, о сем. О чем, не помню, но на следующий день он даже увязался со мной на прогулку в лес за кедровыми шишками. С орешками, правда, не выгорело. Слегка проголодались. Когда я вытащил ножик, чтобы нарезать колбасу, Веля почему-то испугался. Я забеспокоился, с чего это он, Цекич объяснил, что боится, не заблудились ли мы. Выглядело это несколько неубедительно, уже была видна окраина города. Я его успокаивал, мол, город рядом, вон даже химкомбинат, куда у вас командировка. Но Веля комбинат почему-то не признал.

В городе Цекич, проходя мимо какой-то витрины, увидел там шапку, которая, как выяснилось, ему очень нужна. Но вот только денег как назло у него с собой не было. Он попросил одолжить десятку, клятвенно заверяя, что вернет ее в Свердловске. Не очень я ему поверил, но ради хорошего человека и десятку не жалко! Выдал я ему купюру. А Цекич, между прочим, десятку вернул. Как я сейчас подозреваю, может быть, ту же самую. Пришел к нам в Свердловске домой и вернул. Вообще, стал заходить, к себе приглашал. Стали, так сказать, дружить семьями.

Расспрашивал о всяких туристских местах, в которых я побывал. Не наткнулся ли я во время путешествий на запретные зоны, например, у Байкала. Я вспомнил лесной заповедник, по которому шла тропа, а Веля заинтересованно слушал. Через пару дней он уточнил, что спрашивал он не о заповеднике, а о настоящей запретной зоне. О местах, куда туристов не пускают, я знал лишь понаслышке, поэтому посоветовал Цекичу не посещать Баргузин, куда, по слухам, туристам доступа нет.

Похоже, что куратор из органов разъяснил Веле, что заповедники это не те запретные зоны, куда рвутся шпионы. Интересовался Цекич и окрестностями Свердловска. Помню, что я долго объяснял, как добраться до одинокой лесной избушки где-то на юге области. Не исключено, что в архивах КГБ сохранился и этот полезный для туристов маршрут. С интересом расспрашивал о моих визитах в

Москву. Я там грешным делом играл в турнире по шашкам. Обитали участники в спортивной гостинице в Лужниках, прямо под трибунами. Там жило много спортивного народу. Граждане общались, по вечерам расписывали "пулечку". Цекич обрадовался, когда я припомнил фамилию одного бегуна, про которого он будто бы слышал. Так сказать, нащупал связи.

Контакт Цекич поддерживал изобретательно. Принес мне задачу по математике, якобы жене по работе на гранильной фабрике нужно, правильные многогранники там требуются. Принес я листочек с расчетами, в качестве вознаграждения получил бутылку. Заодно просветил публику, что с этим еще древние греки разобрались, в книжках по популярной математике можно прочесть. Веля, естественно, попросил принести книжку.

Так я оказался у Цекичей дома. Как раз рядом с 32-м городком. Поинтересовался, как они эпидемию пережили, место ведь было весьма опасное. До сих пор не уверен, что это была их настоящая квартира, а не подставная. Цекич помрачнел, услышав вопрос, а его жена, явно к теме подготовленная заранее, бодро поддержала разговор. Отважная женщина явно обрадовалась возможности поиграть в детектив. А Цекичу все это не понравилось. Похоже, что он уже понимал, что его контора тянет "пустышку". Интересно, что даже вопрос о том, как они выдержали прививку против язвы, супруги замяли. Похоже, что даже эта тема к 1981 году уже стала секретной. Будто и не было вовсе прививок населения целого района, в котором проживали десятки тысяч людей! Отвечать на бестактные вопросы вообще избегал. Выражался примерно так: "Ну, в конце концов, что там могла хранить эта организация, чтобы это вызвало эпидемию сибирской язвы?" Но сам все же поднимал довольно скользкие темы, например, про Польшу, где в это время шумела "Солидарность". Спрашивал, что я вычитал в польских газетах и о том, как все это отразится на Югославии.

Еще одна история, даже со слегка детективным уклоном. Из дверей шахматно-шашечного клуба при Дворцом спорта выходит участник первенства города по шашкам Сережа и присоединяется к стоящим у входа. Сережа уже успел посидеть, но за что – скрывает. Упоминает лишь загадочное "нарушение паспортного режима". Заметно "под мухой", но весел и болтлив. Пальто его распахнулось, а под ним оказалось еще одно пальто. Явно только что спер. Похоже, что за ним числилось не только "нарушение паспортного режима". Я вежливо говорю ему: "Сережа, иди сними пальто". Он засмутился и даже пошел обратно в раздевалку. Но беда в том, что там Сережа уже изрядно надоел, за что его в раздевалку не пустили и прогнали, так и не оценив его благородного порыва. В гневе он и умчался в двух пальто.

В милиции открыли дело, с меня тоже снимали показания. Но суда о краденном пальто вроде бы не было. Отвертелся как-то Сережа. В клубе продолжал появляться, даже помню, как он картинно общался со своей жертвой. Позвольте, мол, представиться виновнику печального происшествия с Вашим пальто. Извинялся. Но пальто, кажется, так и не вернул.

Спустя много дней мне вдруг пришла повестка явиться в милицию Ленинского района с указанием даты и времени. Явился. Сидел там гражданин в штатском, попросил подождать в коридоре. Сидел я довольно долго. Народу никого, пусто, правда, пробежал, запыхавшись, какой-то чин, тоже в штатском.

Опаздывал, наверно. В конце концов меня первый штатский пригласил. В комнате почти пусто, только где-то позади копался в бумагах тот самый опоздавший. Мне пришлось снова рассказывать про злосчастное пальто. Слушал меня милиционер невнимательно, ему было скучно, оживился только раз, на фразе: "Иди сними пальто". "Что, в самом деле пошел?" Было совершенно непонятно, зачем вызывали. Но зато вспомнил я, правда не сразу, "опоздавшего". Это был тот самый моложавый брюнет, убежавший по лестнице в Красноуральске.

Как раз в те дни мне счастье привалило. Счастьем для "совка", как известно, почиталась возможность поехать за границу, тем более в командировку на научную конференцию. Случилось это довольно неожиданно, без объяснений, в 1981 году. Поезжай и все, докладывай свои результаты. Похоже, что тут органы удружили с целью распознать врага на горячем.

Веля Цекич, как выяснилось, за рубежом бывал неоднократно, и поэтому активно делился опытом. Пугал проверками и советовал ничего опасного не брать, записные книжки там, тексты всякие. Даже отписки статей и текст будущего доклада, чего я уже никак понять не мог, и даже спорил с ним. Похоже, он в меру своих возможностей меня предостерегал. За что ему спасибо.

В Венгрию на конференцию я попал в составе целой делегации. Курировал народ известный ученый, парторг матмеха МГУ. Мне он, надо сказать, уделял особое внимание. Появлялся рядом в самых опасных местах. И, как мне кажется, несколько манкировал возложенным на него партией заданием. Можно даже сказать, создавал видимость для возможных топтунов. В Будапеште мы втроем в последний день перед отъездом болтались по достопримечательностям и магазинам, включая магазины русской книги. Выбор там, надо сказать, был далеко не наш, я там нагрузился недоступными в СССР шедеврами. Похоже, что нас сопровождал местный венгерский топтун. Не знаю, то ли он нас пожалел, то ли ему надоело бродить следом, но он подошел и на неплохом русском просветил публику, что магазины вот-вот по всему городу закроются и нам пора избавляться от оставшихся форинтов. Что мы и сделали. Помню, что в поезде я довольно долго болтал с советским венгром, возвращавшимся домой. На следующее утро я его снова увидел, но никакого желания общаться он не проявил, да и глаза у него были ошалевшие. Сейчас я думаю, что с ним поговорил весьма грубо какой-то небольшой чин, даже не посвященный в тонкости операции. А уважаемый профессор попросил позвонить ему по прибытии в Москву, мол, все ли в порядке, как доехали. Позвонил, все было в порядке.

Тем же летом нам пришлось менять квартиру – съезжались с моей матерью. Въехали мы в пустую квартиру, поскольку прежних жильцов кто-то выселил заранее куда-то. Якобы санэпидстанция решила провести санобработку. Такой нетипичный случай заботы власти о народе.

Никакого запаха после обработки в квартире не осталось, остались только клопы, и немало. Возможно, там появились с помощью санэпидстанции и "жучки", не знаю. Если уж хотели узнать, о чем в квартире болтают, могли бы поставить телефон, и кому надо, все будет слышно, и о нас настоящая забота! Сейчас можно лишь добавить, что в конторе про свой "прокол" вскоре узнали.

А Цекич тем временем сообщил, что собирается уезжать в Киев, всячески приглашал приезжать в гости. Можно было полагать, что расстанемся навсегда. Но

Веля вдруг где-то примерно в январе 1982-го появился снова. Он будто бы вернулся в Свердловск в поисках работы и квартиры. Ему, мол, какой-то знакомый капитан, сосед по гостинице "Свердловск", обещал помочь. Цекич звал меня махнуть в эту гостиницу и познакомиться с этим капитаном. Человек интересный, кончил биофак университета, работает где-то на Вторчермете. Выглядело все это довольно неубедительно, тем более зима, холодно и ехать никуда не хотелось. Я так Цекичу и сказал, нечаянно употребив профессиональный термин его "конторы", мол, "легенда" у вас уж очень странная. С тех пор Велемира Цекича я никогда больше не видел.

Но он, тем не менее, не пропал. Пришло письмо из Киева, в котором Цекич просил разыскать вышеупомянутого капитана, Бойко Виталия Ивановича, который ему почему-то не пишет, хоть и обещал работу с квартирой. Попросил подойти к проходной воинской части и вызвать его оттуда. Ну а я нашел адрес капитана в справочной и просто послал ему открытку с просьбами Вели. Пусть сами общаются между собой. Не верил я, что Веле что-нибудь выгорит и у этой истории возможно продолжение. На этом Веля из поисков шпиона выбыл окончательно.

Тем не менее, продолжение истории с Цекичем было! На дне рождения в квартире моего коллеги где-то ранней весной 1982-го появился незнакомый гость. Его представили. Тут я и вздрогнул, вспомнив: "Так это я Вам открытку насчет Цекича писал в 19-й городок? Надо же, как тесен мир!" Виталий Иванович тоже удивился. Как потом выяснилось, удивляться было нечему, это он сам попросил хозяев дома познакомить его со мной. Сидел Бойко за столом, но не пил (он за рулем!), даже не очень болтал, но разговоры вежливо слушал. Про работу с квартирой для Вели сам не вспомнил, но к разговору на эту тему был готов, быстро согласившись со мной, что это глупость. Бойко пошел уже проторенной Цекичем дорожкой – заинтересовался математикой. Мол, ему по его биологической работе есть нужда в планировании эксперимента и в теории вероятности. Кончилось это тем, что он подвез меня домой, получив в награду какое-то пособие по полезной науке статистике. Больше я его не видел, так он и пропал вместе с пособием, даже не клюнув на возможность познакомить его со специалистом по планированию. Скорее всего, отвертелся от ответственного задания.

Примерно тогда же мне по работе понадобилось получить допуск для поездок на один завод в Верхнюю Салду. До сих пор не знаю, какие там были секреты, - ведь завод поставлял свою продукцию даже члену НАТО Франции. Но надо, так надо. Явился с этой просьбой в Первый отдел, к начальнику его Самарину. Могучий старик, как правило, такую должность занимали ветераны КГБ. Разговор получился несколько странный.

Самарин довольно быстро перешел к вопросу связей с заграницей, а потом и к письмам за рубеж. Помню гневную фразу: "Я тебе напишу! Я тебе напишу!" Грубо все же. Выглядело это скорее как разнос провинившегося. Хотя на разоблачение агента иностранных разведок уж никак не походило. Видимо, старый чекист быстро разобрался, что к чему.

А мне казалось, что тут уж не до допуска. Прочли злосчастное письмо и, может быть, еще чего-нибудь накопили. Пахло последствиями.

Как вдруг прозвучал неожиданный вопрос: "Ну, может быть, откажешься от допуска?" Я не отказался и, к вящему моему удивлению, даже получил требуемый

второй допуск. Обошлось. Простили, так сказать, на первый раз. Я подумал тогда, что ссылаться на перлюстрацию властям было не совсем уместно, нет таковой в СССР, ну и решили просто обойтись запугиванием.

Под конец разноса в кабинет зашел мужчина, лицо слегка знакомое, но мне было не до него, не обратил я внимания на появление майора Кузнецова, который когда-то бегал от меня по лестнице гостиницы.

Как-то зимой 1982 года жена, вернувшись из командировки в Нижний Тагил, с восторгом рассказала про свое знакомство с одной интересной женщиной, с которой они вместе ехали в электричке. Гомеопат, редкий специалист, у нее несколько кабинетов, везде ездит, бывает и за границей, богатая и предприимчивая, само собой машина, повсюду связи, поклонница Элвиса Пресли. Татьяна Яковлевна дала телефон, предложила позванивать и вообще дружить. И не обманула, стала у нас частым гостем, иногда даже вместе с мужем и дочкой. И в гости приглашала.

Командировка была в тот день срочная, начальница жены специально прибежала к нам домой, даже посоветовала наиболее удобную электричку. Зайдя в гости, начальница восхищалась квартирой и с интересом долго ее осматривала.

Пришлось воспользоваться указанным руководством рейсом. В электричках зимой холодно, отапливались лишь редкие скамейки, приходилось долго подыскивать теплое место. Народу почти не было. Пришлось пройти пару вагонов, пока нашлась теплая скамейка. К ней затем подседа Татьяна Яковлевна. Как потом жена вспомнила, новая подруга села в вагон следом за ней и тоже плелась потом по вагонам. Вспомнила, что провожали эту женщину двое, один из них по ее описанию был похож на вышеупомянутого брюнета Кузнецова из органов, а второй был Сережа Урецкий, муж Татьяны Яковлевны, с которым мы вскоре и познакомились.

В Тагиле у Татьяны Яковлевны был гомеопатический кабинет. Я бывал в Тагиле и спросил где он. Только Урецкая почему-то адрес не хотела давать: "Скажите любому таксисту: "К частному доктору", он привезет! Можно и друзей ваших ко мне приглашать". Впрочем, позднее как-то все же дала адрес на грязной привокзальной улице. Там оказалась такая жуткая хибара, что всякое желание туда заходить пропало. Потерял я всякое уважение к гомеопатическим кабинетам и вообще к науке гомеопатии. Но особо не удивился, ну что поделаешь, такой характер у дамы, может запросто приврать.

У жизнерадостной Таты масса зарубежных друзей, Показала несколько иностранных книг с дарственными надписями авторов. Сами, мол, подарили. Обаятельные люди! А с одним профессором даже по достопримечательностям Москвы ходила.

Бросался в глаза явный избыток средств. Пешком никто просто не ходит, только на такси или на машине, своей или друзей. Есть у нее даже знакомая таксистка, которую она специально вызывает по

телефону. Квартира с претензией на шик, дом - полная чаша. Коллажи из англоязычных журналов, картины под Сальватора Дали, Элвис Пресли, гербы, флаги, стены разрисованы, мол, знакомый художник Сережа Павлов творил. Настенная живопись там, интерьер. С магнитофона несется что-то явно модное. Я поинтересовался из вежливости, кто это? В ответ удивленный взгляд — мол, Макаревича не знает! "Он солист "Машины времени", они сюда в гости приходили, когда были на гастролях! Такие тут песни пели!" А потом добавила многозначительно: "Их в КГБ вызывали".

За границу Урецкие ездили часто, иногда даже на своей машине. Упоминали Италию, Венгрию, ФРГ, Румынию, Финляндию, Чехословакию. Ну прямо высший свет! Хотя и советский. Ребенок наш десяти лет даже удивлялся: "Ну что Татьяна Яковлевна в нас нашла, она такая богатая!?"

Возникает естественный вопрос: как найти такую интересную работу, умеют ведь люди устраиваться! Тут я могу поделиться лишь одним грязным слухом. Будто бы студент лесотехнического института Сергей Урецкий попался однажды грешным делом на мелком воровстве в студенческой раздевалке. Где-то в 70-х. Оступился студент по молодости, шарил по карманам чужих пальто. А парень ведь происхождения безупречного, в честь брата его деда названа даже улица в Свердловске. Да и жена слезно просит простить, обещает искупить вину. Обещание супруги и классово надежное происхождение ее мужа было учтено, кадры были сочтены подходящими.

Могу сослаться и на саму Татьяну Яковлевну, рассказавшую, что в Румынии как-то встретила еврейскую семью из Западной Европы, у которой возникла на черноморском берегу серьезная проблема. Эти европейцы и раньше успешно встречались со своими родственниками из Союза на румынском курорте. Советские покупали путевку на тур в Румынию, а иностранцы просто приезжали одновременно туда же. Привозили кое-какие подарки. Но на этот раз, как на грех, с путевкой в СССР что-то сорвалось в последний момент, а европейцы приехали как обычно. На их счастье, тут как раз подвернулась Татьяна Яковлевна, очень милая женщина и тем более еврейка. Ну ее и попросили передать подарки в Союз. Татьяна Яковлевна, добрая душа, само собой согласилась помочь людям. Ну и передала, конечно.

Контакты граждан с заграницей были одной из приоритетных забот любознательного КГБ. Идеологические диверсии там, утечки, тлетворное влияние, переписка, преклонение перед всем заграничным. Пресекались любые каналы. Куча народу сидела на контактах совков с заграницей. Бывало даже, что пренебрегали другими направлениями. Одно время в КГБ было всего два знатока иврита и оба сидели не в разведке вовсе, а на перлюстрации.

Чуть ли не в первый визит Урецкие привели с собой ребенка. Девочке очень понравилась пишущая машинка, занялась клавиатурой, стучит одним пальчиком, медленно, но верно появляется текст: "Поймать шпиона". Надо же! Я сильно удивился, зайдя в комнату и увидев такое творчество. Какие все же странные фантазии у ребенка! Она, правда, засмушалась и попыталась прикрыть ручкой напечатанное, дети не любят, когда за ними подглядывают. Ладно, я тут же ретировался — пусть сама без помех кого хочет, того и ловит. А мама ее не могла не нарадоваться на увлечение дитяти. Попросила даже дать машинку домой на

недельку поиграться. Желание ребенка, конечно, дело святое, почему бы и не дать? Я и сейчас не очень понимаю, зачем ее куратору нужны были образцы шрифта этой машинки. Скорее всего, лишь для порядка, мол, расследование успешно продолжается. Ну и у Татьяны Яковлевны лишняя возможность угодить грозному начальству.

А дочку свою Тата намечала отправить в школу балета, у ребенка были явные задатки балерины. Профессия, между прочим, в то время весьма востребованная в органах. Намечалась уже кое-какая семейная традиция.

В гости Татьяна Яковлевна приходила и с магнитофоном, маленьким таким, в виде авторучки, красивым таким. На ребенка нашего эта авторучка произвела впечатление, попросила посмотреть. Ну, Урецкая не удержалась и похвасталась, что это отнюдь не авторучка, а специальный прибор, который тоже пишет, но не на бумаге.

Тата взялась бескорыстно оказывать гомеопатические услуги моей старушке матери. Долго с ней о чем-то беседовала, снабдила гомеопатическим лекарством. Но матери Татьяна Яковлевна почему-то не понравилась. Возможно, пробудила бдительность у человека, выросшего при Сталине, своими бестактными вопросами.

Начальства, надо сказать, Тата все же боялась. Однажды после визита я взялся ее проводить одну остановку на трамвае, где будто бы ее ждала машина. Проехали одну остановку, а она вдруг не хочет выходить! Мол, ее ждет там друг мужа, очень ревнивый, не дай бог, увидит меня. Хотя выглядело это очень непонятно и крайне неубедительно, но она на самом деле не слишком соврала. Скорее всего, ее ждал майор Кузнецов с докладом, из трамвая был видна легковушка и пара мужчин рядом, но выводить меня на куратора и показывать его было никак нельзя. А что бы подумал настоящий шпион в такой ситуации, ее пугало уже меньше! Свой шеф все же важнее происков врага.

Одна уважаемая гражданка однажды оказалась у нас дома в компании вместе с Урецкой. Татьяна Яковлевна была на подъеме и не замолкала, была душой компании. Естественно, гомеопатия, заграница, Элвис Пресли и прочие радости ее безмятежной жизни. Ну и произвела на народ впечатление. Гражданка же работала не где-нибудь, а в облсовете, правда, на сравнительно скромной должности. Но доступ к информации о лицензиях и занятиях гомеопатов у нее был. Стала выяснять. И нарвалась. За ее невинное любопытство последовал страшный нагоняй, чуть удар женщину не хватил. Так и не поняла за что. После этого меня она просто видеть не могла, обходила, бедная, за тридевять земель.

Зашел я как-то к Урецким, таскал я тогда с собой рюкзак. У них был гость, молчаливый художник Сережа. Видимо, весь погруженный в творчество. Разговор поддерживал вяло, но все же похвастался, мол, они с Татой оказались в одном купе поезда вместе с иностранцами. Брякнул сдуру. Татьяна Яковлевна не удержалась, обозвала художника болтуном. Но тему перехватила и стала рассказывать, какой у них был интересный попутчик, американский архитектор, приятно провели время.

Насколько я помню, из кармана рюкзака у меня торчала старенькая записная книжка, потрепанная и рваная. Ну Сережа на нее и клюнул, внес свой вклад в расследование. Об этом несколько дней спустя сказала Татьяна Яковлевна, мол, вот записная книжка, не твоя ли? Сережа вот увидел на полу, наверно, выпала случайно. Книжку я признал. А Урецкая не случайно упомянула Сережу. Похоже,

многоопытная Татьяна Яковлевна объяснила юному чекисту, что враг хитер и коварен, может и специально подбросить подозрительный документ, чтобы проверить. Сурово отругала художника. А свалила находку на Сережу даже для моего сведения так уже, по инерции.

А насчет сибирской язвы врачи Урецкие не очень распространялись, мол, не их профиль. Иногда только Сергей позволял себе довольно невразумительную "дезу", а осторожная Тата предпочитала помалкивать.

К востоку от Свердловска расположен большой лесной массив с озерами, ягодами и всякой живностью, включая лосей. Жулановские карьеры, каналы XVIII века, прорытые чуть ли не Гумбольдтом. Урецкие тоже интересовались этой стариной и моими прогулками по лесам. Уже не помню, по какому поводу Сереже Урецкому понадобилось узнать, нет ли там военных объектов. Ничего там не было, ни поселков, ни даже заборов, о чем я с уверенностью сообщил супругам. Но они не успокоились и перевели разговор на окрестности тех лесов. Там, конечно, были и дороги, и поселки, к северу от лесов находился довольно крупный городок Калиновка. О нем я знал мало, но все же поделился свежей новостью о том, что там собираются строить завод прецизионных станков, поскольку воздух в городке куда чище свердловского. Не знал я, что это было тайной, то ли государственной, то ли даже военной, а надо мной, возможно, повисло еще одно подозрение, например, в промышленном шпионаже. Припоминаю еще, что как-то в малиннике недалеко от Калиновки наткнулся на уже знакомую физиономию – майор Кузнецов прогуливался. Лицо его уже к тому времени все-таки примелькалось. В руках у меня был кулек с малиной, о чем, видимо, пришлось ему написать в отчете. А хотелось ведь обнаружить бинокль или прочую шпионскую технику!

Отметился по такому случаю даже проректор по режиму УПИ. Жизнерадостно между делом сообщил: "Так вы наш, уралец! Из Калиновки родом, навещаете ее иногда?" Видимо, проверял, не забыл ли иностранный агент место рождения, указанное в поддельной метрике. Узнав, что не забыл и на Калиновку не клюет, успокоился.

Весьма активно Урецкая интересовалась кругом моих знакомых. Как-то у нее возникла потребность утрясти вопрос с оценкой по философии, и она поинтересовалась, не могу ли я помочь, нет ли у меня кого-нибудь знакомого на кафедре философии в УПИ. Знакомых не оказалась, но Татьяна Яковлевна сообщила позже, что решила вопрос с помощью проректора Самарина. Даже фамилию назвала, чтобы у объекта наблюдения никаких подозрений не возникло. Ну и, конечно, чтобы похвастаться своими связями. В надежде, что и я захочу упомянуть своих влиятельных друзей. Иногда она называла и конкретные конторы, помню, спрашивала о возможных знакомых в каком-то райкоме. Активно интересовалась кого я знаю в Верхней Салде и даже предлагала с кем-то свести.

Летом 1983-го Татьяна Яковлевна увязалась со мной в "книжную яму", тогда место торговли и обмена дефицитной литературой в Свердловске. Там она с моей помощью познакомилась с Ф. Надо сказать, что по склонности приврать он был не слабее Урецкой. Побеседовали они на литературные темы, о Григории Распутине там, да и о прочих знаменитостях полусвета. Детали беседы позднее неожиданно всплыли на допросе, полковник Кондратьев ехидничал, видимо, после просмотра отчета Урецкой.

С этим расследованием у меня были и неприятности. Иду однажды летом 1983-го домой, поднимаюсь по лестнице. Навстречу спускается солидный мужчина, лицо вроде знакомое. Подумал, что коллега с работы. Взгляд, правда, немного странный. Как он представился полгода спустя, майор Кузнецов. На следующей лестничной площадке двое мужчин стучатся в чью-то дверь, стоят спиной. Добрался до своего четвертого этажа, пытаюсь открыть дверь - ключ проворачивается нормально, а она не открывается! Черт-те что! Дверь оказалась запертой на два замка! А ключ от второго замка в квартире, мы им никогда не пользовались, он остался от прежних хозяев, ключ они тоже оставили, так и висел он у двери на всякий случай. А дома никого, все уехали несколько дней назад. Утром я сам запер дверь на один замок, как обычно. Неужели воры?! Пожаловался, конечно, соседям. Те удивились и сказали, что видели четырех мужчин, очень прилично одетых.

Делать нечего, в конце концов влез в квартиру через соседний балкон. Пробежался по квартире, слава богу, вроде ничего не пропало. Странно, возможно, спугнул воров, ничего украсть не успели, только заперли дверь зачем-то на все замки. На работе на завтра рассказали, что сразу после моего ухода кто-то меня спрашивал. Получалось, что в самом деле спугнул. Но случай редкий в нашей обыденной жизни, знакомым рассказывал, позвонил и Татьяне Яковлевне. "Ужас какой!" – только и сказала она.

Для Урецкой это и в самом деле был ужас. Это они, бывало, вместе с супругом долго вертели в прихожей у двери, незаметно снять слепок с ключей – дело непростое. Конечно, дали маху, не выяснили, какой из ключей висит просто так, а каким пользуются. Прошляпили. Возможно, даже выговор получили. Хотя вряд ли за то, что подозреваемому пришлось лезть с балкона на балкон на уровне четвертого этажа.

Еще один эпизод того же времени – до сих пор не понимаю, как его трактовать: поезд Самарканд–Москва, октябрь 1983-го, почтенный старик вежливо спрашивает разрешения занять соседнюю пустую полку. Дорога длинная, разговорились. Он, оказывается, служил в лагере на южной окраине Свердловска. На вопрос кем, ответил, что строителем. Правда, не совсем охотно. Ну ладно, не все гордятся службой охранника. Ну а я не выдержал и в свою очередь рассказал о вспышке язвы как раз на юге города. Старик помрачнел и зачем-то вспомнил о заключенных, которых посылают на жуткие урановые рудники на Новой Земле вместо смертной казни. Оглашал и другие суровые неприятности, которые ждут врагов. Вроде как пугал зачем-то. А вот насчет Новой Земли, похоже, приврал. Или перепутал с испытаниями атомной бомбы на этом острове.

Потом к нам еще подсел какой-то парень из Самарканда, ехавший поступать в институт после армии. Тоже вспомнил Свердловск, у них, мол, в армии были ракеты со свердловского завода. Но тут, кажется, я ничего интересного по этому поводу не вспомнил, пожаловавшись на то, что ракеты я не делаю, да и старик что-то в этот момент меня смутил, смотрел как-то странно. Прощался он со мной как-то очень серьезно, с видом загадочным, намекал на что-то вроде бы, но вот на что, не помню.

7 декабря 1983-го меня пригласили к проректору УПИ по режиму. К 14.00 на следующий день. Накануне на работу позвонила Урецкая и настойчиво приглашала

зайти. Мол, может рассказать интереснейшую историю про попытку похищения самолета в Тбилиси, она там была, у нее куча знакомых летчиков, ей известно такое, что в газетах точно не будет. Я пытался отказаться, на кой ляд мне все эти детали, да и времени нет, с утра лекция, днем надо к начальству, но в конце концов согласился. Явился, выслушал историю про липовую свадьбу, зашедшую в самолет по служебному входу. Но слушал вполуха, хозяйка даже вежливо поинтересовалась, куда это я так спешу.

Узнав про проректора, удивилась, посочувствовала, с тревогой спросила, что случилось. "Не знаю, – говорю, причем вполне искренне, – вроде бы, старался все бумажки в спецчасть вовремя сдавать. Из-за этого злосчастливого металлургического комбината авиационной промышленности придется отдуваться". Про эти бумажки и их своевременную сдачу мне довелось потом услышать от проректора, не удержался старый хрен от ехидных намеков. Да и Кузнецов, как выяснилось позже, тоже был в курсе моего знакомства с ведомственной принадлежностью завода в Салде.

Явился я вовремя, начальство встретило меня приветливо, предложило познакомиться с товарищем из КГБ. Товарищ показал документик, где я успел там прочитать лишь звание – майор. Лицо было явно мне знакомо, я его где-то видел и до этого. Потом уже припомнил где.

Товарищ предложил поговорить у них в конторе. У него, мол, машина, доедем быстро. Мне туда вообще никак не хотелось, хоть быстро, хоть медленно. Но я поддержал деловой тон разговора и бестактно спросил: "На Ленина, 17?" Меня вежливо поправили: "Нет, на Вайнера, 6". "Ленина, 17" с 37-го года в Свердловске являлась общеизвестной кличкой охраны, но, как выяснилось, органы уже переехали в соседнее здание.

По дороге к выходу я вспомнил, что у меня назначена встреча со студентом, надо бы ее вот отменить. Майор Кузнецов не возражал. Я помчался в библиотеку, студента там не нашел, но приободрился, решив, что ничего страшного, если и есть на меня компромат, то не очень серьезный. Номер "легковушки", правда, на всякий случай запомнил. Между прочим, пригодилось, хотя и совсем в иные времена.

По дороге я поинтересовался: "Вы не работали в УПИ? Я вас там, кажется, встречал". Без всякой задней мысли спросил, может быть, лишь потому, что припомнился один эпизод: осень 1980-го или 1981-го, лекция по аналитической геометрии. За последней партой мужчина, явно не студент. Скорее всего, проверяющий, довольно часто начальство посылало кого-нибудь для контроля качества работы. Лекция обычная, я там пытался, в частности, разбудить публику, предложив проголосовать по вопросу: "Что такое смешанное произведение – вектор или скаляр?" Мнения разделились, что меня, конечно, огорчило. Не понравилось что-то и проверяющему, возможно, отсутствие единодушия у народа. Под общий шум этот тогда уже слегка знакомый брюнет ушел из аудитории.

На Вайнера, 6 у входа стоял вахтер в форме, пропуска у меня не было, но за меня замолвил словечко майор. В вестибюле висел список коллег, ставших жертвами сталинского террора. Мол, и органы пострадали от собственного усердия.

Опрашивали меня трое. Увидев их, я несколько приуныл. Многовато что-то. Справа сидел майор Кузнецов. Так сказать, сторона обвинения, не терявшая надежды разоблачить шпиона. Скорее всего, из отдела контрразведки.

Напротив, на председательском месте, расположился полковник Кондратьев Владимир Петрович, депутат облсовета, председатель областного союза юристов, глава Пятого управления, идеологического, а также антиссионистского. Специалист по проидам вражеской пропаганды и моральной неустойчивости, статьи 70 и 190-прим УК РСФСР.

Слева сидел майор Григорьев Александр Борисович, можно сказать, в некотором смысле мой защитник. Об этом немного подробнее.

Знакомый мой, Леня, услышав спустя пару недель про эту историю, поделился и своими воспоминаниями. Куратор УПИ от КГБ поинтересовался у него насчет возможных подозрительных знакомых. Леня с гневом отверг такую возможность, мол, если бы таковой был, то он бы, не дрогнув, разоблачил негодяя.

Но куратор не отставал, есть, мол, один такой, надо бы помочь органам разобраться, не враг ли. Надо бы проявить бдительность. Так они беседовали довольно долго. Наконец любознательный собеседник куратора поинтересовался, кто же этот гад. На что тот пояснил, что дело серьезное, официальное, нужна расписка о сотрудничестве. Тут Леня вздрогнул, примолк и, раз дело серьезное, пообещал подумать. Подумав, он пожаловался, что у него нервы расшалились, по ночам стал во сне разговаривать, может проболтаться, жена тоже испугалась, спрашивала, что случилось. В общем, человек отвертелся от сомнительного предложения. К чести Лени могу добавить, что он даже предупредил одного знакомого вольнодумца, призвав его быть поосторожнее.

Выслушав Леню, я кое-что заподозрил и стал расспрашивать, как все же этот куратор выглядит. Довольно долго мы обсуждали его внешность до тех пор, пока наконец не прозвучало его имя и отчество – Александр Борисович. К общему удовольствию и даже к нервному смеху.

На допросе выпускник факультета журналистики УрГУ майор Григорьев представлял фактически политехнический институт, в который шпионы никак не могли проникнуть, поскольку служба проректора Самарина была на высоте. Что же до диссидентов и прочих морально неустойчивых, то с ними пусть идеологи из Пятого управления разбираются. Профилактику проводят, перевоспитывают, ну а для особо злостных есть и УК. Главной целью Александра Борисовича было сохранить доброе имя подведомственного ему Уральского политехнического института и замять дело. Ну а я, в частности, должен был покаяться и признать свои грехи. Григорьев приложил немало усилий для этого. Он нашел моего дружка, тоже кстати, Александра Борисовича, внушал ему всячески, что мне необходимо сделать. Так сказать, для моего же блага. Саша добросовестно передавал его полезные советы. Григорьев излагал то же самое и моей жене.

Вначале все в кабинете на Вайнера, 6 и выглядело как профилактика, хотя я все же струхнул. Да еще они подгадали точно на одну важную семейную дату.

Мне было известно звание только одного из присутствующих, майор, но сидевший напротив явно был чином повыше, субординация чувствовалась. В чем дело, я просто не понимал. Намеки на то, что мне не грех признаться в каких-то грехах были слишком туманны.

Ну спросили, например, не слушаю ли я "голоса". Их интересовал, конечно, не сам факт – "голоса" слушали все кому не лень. Интересовала их реакция на вопрос, станет ли человек вилять и все отрицать, или, наоборот, станет нахально хвалить вражескую пропаганду. Ну я ответил как простой советский человек: "Да ничего не слышно из-за глушилок". Видимо, неожиданно, вызвав даже смех. Так сказать, косвенно даже похвалил власть за успешную борьбу с инсинуациями. Я тогда еще не знал, что по плану органов я должен был признаться в том, что, наслушавшись клеветнической вражеской пропаганды про эпидемию в Свердловске, решил помочь врагу своим письмом. А это уже подходило под статью о "распространение заведомо ложной информации". И, может быть, сделал это по прямому заданию врага, что пахло уже статьей о шпионаже.

Долго мусолили мои визиты в "книжную яму". Тоже было не совсем понятно, вроде бы, интерес к литературе под статью не подходит.

Но один момент все же запомнился.

Кондратьев:

– Ваша жена ходит в "яму"?

– Нет.

– Как нет? Вас видели под руку с женщиной!

– А, помню, это она сама взяла меня под руку!

Требуют назвать фамилию этой женщины. Болтать лишнее не хочется:

– Ну зачем вам знать, кто она такая, один раз в жизни человеку захотелось посмотреть на эту яму!

До меня довольно быстро дошло, что нас с Урецкой видели не свидетели из органов, а информация идет от самой Таты.

Раскрыл полковник тайного агента, правда, не своего, а майора Кузнецова, из чужого отдела.

Тему подозрительной женщины несколько дней спустя развивал и майор Григорьев, сообщив моей жене, как бы между прочим:

– Он скрывает какую-то женщину. Но мы ее все равно найдем!

Тоже ведь не его агент эта гражданка Урецкая.

К вечеру меня отпустили, пригласив завтра еще явиться. Все, как рассказывал позднее их коллега Путин собственной жене о технике своей работы: "Утром задерживаем, вечером отпускаем". Предстояла еще неделя допросов.

На следующий день, 9 декабря 1983-го, в кабинете народу оказалось еще больше. Несколько молодых людей, но потом зашли и мужчины посolidнее. Явно что-то назревало. Для начала мне предъявили письмо из московского почтамта. Там, оказывается, борются с незаконными филателистическими вложениями. И вот для этого они и вскрыли письмо в далекую Австралию. Незаконных марок в письме не оказалось, но бдительная почта не смогла пройти мимо подозрительного содержимого и вынуждена была сообщить куда следует. То есть никакой перлюстрации, только марки. Это уже объяснение для возможного суда.

После такого сложного драматического вступления мне предъявили и само письмо. До боли знакомый почерк не вызывал никаких сомнений, в чем я и признался. Зрители с интересом наблюдали за моей реакцией. Чтобы им не было скучно, сделал вид, что попытаюсь съесть улику. Сразу забрали письмо. Меня,

конечно, беспокоил вопрос: "Что еще у них есть на меня? Это все?" Но публика стала расходиться, похоже, кульминация разоблачения прошла, пока все.

Зыбкая надежда поймать шпиона скончалась тут окончательно. Ну а на процесс, тем более показательный, тем более в Свердловске, где все и так знали всё, да еще с неизбежным упоминанием перлюстрации, власти уж никак не могли решиться. Историю с язвой полагалось замалчивать, а не раздувать. Ну а напрасно трудившемуся майору Кузнецову объяснили это с помощью понятных и близких ему доводов. Он как-то позже чистосердечно поделился ими, нечего, мол, давать мировому сионизму повод для вражеской пропаганды.

Конечно, это был не конец, дальше последовало несколько часов ругани. Неприятно, конечно, слушать кто я такой, какая я падаль, на чью мельницу лью воду, до чего я докатился. Давили только на патриотизм, никакого марксизма-ленинизма. За границу поминали всю чохом, никаких братских и слаборазвитых, все вокруг враги. Атмосфера была гнетущая. Так что выглядел я не лучшим образом, мне даже как-то предложили воды. Не все было понятно. Загадочно выглядело, например, обвинение в нарушении какого-то приказа по министерству здравоохранения.

Под конец последовали вопросы, так сказать, по теме, как я дошел до жизни такой, что даже пытался услужить антисоветской пропаганде.

Ну я и поведал об атмосфере 1979-го года в Свердловске, о слухах, о панике, особенно среди врачей, о предложениях обмена квартиры в городе Свердловске на что угодно из-за странной эпидемии. Предложения об обмене появлялись в тех же самых газетах города, в которых не было ничего об истинных причинах эпидемии, а только вдумчивые советы насчет зараженного мяса. Поскольку граждане уже все знали, газеты и листовки о "мясе" только и усиливали панику.

Слушали меня внимательно, служба такая, но, думаю, что подходящей для статьи УК информации вроде бы не было. Ни "заведомо ложной клеветы", ни антисоветской пропаганды. Да и знали они все это и без меня.

Тем не менее полковник Кондратьев возмущался: "Почему же, если это вас беспокоило, не обратились в такой ситуации в газеты или даже к нам?" Я промямлил, мол, КГБ небось и так знало о сибирской язве куда больше меня. На что и услышал неожиданную новость, мол, это неправда, поскольку дело об эпидемии у органов забрали. Вспомнил Владимир Петрович былую ведомственную обиду, не сдержался, но все же не упомянул обидчиков.

Он еще пытался в тон разговора обругать "Литературную газету", ляпнувшую про ящур. А я продолжал недоумевать, зачем скрывать то, что все знают, намекнул, что сомнения были не только у меня, вот даже "Правда" долго сомневалась, прежде чем упомянула про эпидемию. "Правду" КГБ уважало, это они проглотили молча. Увлечись, я обругал каких-то чиновников, которые замалчивали вопрос об источнике эпидемии чисто по личным эгоистическим или ведомственным причинам. Про Бургасова тогда я не знал, просто припомнил цитату из их бородатого основоположника "Образ мышления бюрократии состоит в том, что свои интересы они считают государственными". Но цитату не рискнул огласить. Могут неправильно понять.

Ну а майор Григорьев продолжал активно заниматься перевоспитанием оступившегося доцента.

"Посмотрите на себя. Вы увлекаетесь гомеопатией, книжная яма. А вы ведь доцент. Как-то раньше не представлял, что доцент может этим заниматься", – кивнув на папку со злополучным письмом.

Ответ на мои нападки на чиновников прозвучал только на следующий день, 10 декабря 1983-го. Видимо, кого-то наверху это задело, потребовали сатисфакции, может быть, там даже было известно, о ком речь. Мне твердо заявили, что я не смею обзывать чиновниками людей, облеченных доверием народа и выполняющих ответственную работу. Потребовали уважения к руководителям. Как заметил полковник Кондратьев: "И чего это вы их называете чиновниками?" Посмеялся полковник и над тем, что я перепутал в письме керамический завод с компрессорным. Тут он был, безусловно, прав.

Сказал Владимир Петрович в сердцах и другую важную фразу о виновниках эпидемии: "Тех, кого надо, наказали, и сурово наказали". Больше никогда и нигде я такого не слышал и не читал даже многие годы спустя, после всех разоблачений. Официально ничего не звучало, хотя слухи о застрелившемся генерале ходили. Такие вот дела.

О чиновниках я вспомнил между делом и позднее, в отсутствие полковника. Александр Борисович и майор Кузнецов переглянулись и промолчали. Проблема не их ведомств.

Формы психологического давления были разные. Принесли, например, 11 декабря 1983-го микрофон. Хотя, возможно, лишь для того, чтобы не болтал лишнего. Но микрофон еще Тата приносила несколько лет назад, можно сказать, дело привычное.

Предъявили УК РСФСР, раскрытый на главе "Преступления государственные". Там были помечены две статьи, 164 и 165 – "шпионаж" и "измена Родине". Серьезные статьи, вплоть до расстрела. Я-то думал, что мне светят лишь 190-прим или 79-я, "распространение заведомо ложного и клеветнического". Вздрыгнул, конечно, но не поверил.

Хотя все же настойчиво расспрашивали о знакомых иностранцах. Но тут мне поделиться было просто почти нечем. "Не помню", и все. Уронил как-то фразу: "За последние лет 15 точно никого не помню". И напрасно. На следующий день мне это припомнили и потребовали изложить, что же было 15 лет назад. Спросили и про поездку в Венгрию. Сослался на незнание венгерского.

12 декабря 1983-го полковник потребовал: "Назовите фамилии знакомых врачей!" Ну я и назвал супругов Урецких. С легким сердцем назвал, не было уже сомнений в их роли. Но добавил для приличия, что я их знаю всего год, к письму о сибирской язве отношения не имеют. Майор Кузнецов из конспирации спросил, где и кем Урецкая работает. Я смутно помнил, что вроде она упоминала 21-ю больницу, честно добавив, что не знаю кем. "Проверим", – сурово сказал майор. Похоже, что только ему нужно было скрывать тайного агента. Остальные старались не очень. Александр Борисович крайне неуклюже переспрашивал фамилию, мол, не расслышал. Про гомеопатию я помалкивал. Пришлось самим чекистам сообщить про род занятий Урецкой. Майор Григорьев добавил для пущей важности, что ею займется ОБХСС. Им зачем-то нужно было, чтобы я сообщил об опасности самим Урецким. Скорее всего, нужна была дополнительная информация от агентов. Это уже несколько утешало.

14 декабря, в конце недели допросов, под вечер ко мне домой зашел Сережа Павлов, художник. Тот самый Сережа, который когда-то случайно спер записную книжку. Ему будто бы Татьяна Яковлевна позвонила из Москвы: "У вас какие-то неприятности, она очень волнуется, просила меня зайти. Я ведь ничего не знаю. Что-то случилось, вас вызывали в КГБ? Она сказала, что к ней у "Детского мира" подошли двое. Но она их успешно отшила..." И Сережа довольно толково описал внешность майора Кузнецова. Ну я, конечно, подтвердил, да, вызывали, но Татьяны Яковлевны это вовсе не касается, дело давнее, передайте, пусть не волнуется, она ведь ничего не знает. Сережа сообщил, что она собирается вскоре вернуться. Следствию явно требовались свежие донесения.

Пару раз поминали нарушение какого-то приказа по министерству здравоохранения, но было неясно, каким боком это касалось меня и злополучного письма. Вроде бы, не мое министерство. Можно лишь предположить, что планировалось как-то связать заодно Урецких, письмо и приказ по министерству. Впрочем мне такие игры были ни к чему, перетерпят.

Со временем официальная версия по язве постепенно менялась. О клевете, полученной из вражеских голосов, разговоров стало меньше.

Версия о 19-ом городке постепенно прижилась. 15 декабря Александр Борисович даже поинтересовался: "А вы не думаете, что там делали сыворотку для прививок?" Только майор Кузнецов держался до конца, не признавая эту антисоветскую версию. Да и он, впрочем, выяснял, знаю ли я, где расположен злополучный городок. Любил проверять информацию, полученную от агентов. Знаю ли я ведомственную принадлежность завода в Салде, куда мне приходилось ездить по работе. Надо сказать, что я эту информацию сомнительной секретности успел как-то выдать Урецкой. Вспомнил я про этот грех и честно ответил, что знаю. Были у него и претензии по тексту письма, особенно к фразе: "Генералы медицинской службы ходили по городу косяками". Других претензий по тексту почти не было. Даже по числу жертв. Про те же 150 погибших мы еще и с Цекичем говорили. Мол, из них лишь половина числилась жертвами язвы, а остальным записали прочие хворобы. Майор к этой клевете оказался подготовленным и с гневом разоблачил ее, заявив, что такое нарушение закона советская медицина никогда не допускает. Вспомнил былую обиду на данные из доноса трехлетней давности. Ну, ему виднее.

Насчет мирового сионизма подкапывался больше тот же Кузнецов. Называл фамилии знакомых и полужанкомых евреев, я от знакомства не отказывался, признавал, но где-то на пятой фамилии запротестовал. Да и ему надоело, уликами тут не пахло. Полковник же только раз прямо спросил, не сионист ли я. Хамить в ответ я не стал, не доказывать же ему, что представление Советской власти о сионизме не вполне адекватно.

Беседы под конец все больше приобретали воспитательный характер. Майор Кузнецов даже дал посмотреть статьи из "Журнала микробиологии и эпидемиологии"³ и из "[Человек и закон]"⁴. В научном журнале вопрос освещали специалисты. Только из последнего абзаца стало понятно, что авторы все знают и врут сознательно. Там они не удержались и стали разоблачать и опровергать. Позднее выяснилось, что статью написали ближайšie сотрудники Бургасова, несколько месяцев они провели в 40-й больнице Свердловска.

Ну а "Человек и закон" поведал о старушке с Вторчермета, у которой заболел поросенок во время эпидемии. Вторчермет находился точно в полосе заражения. Бабка попыталась продать его мясо. Дали ей три года условно, хорошо понимая, что не она виновник эпидемии. Когда я прочел, Майор спросил по долгу службы, понял ли я наконец, что был неправ. Но я лишь пробормотал: "Роза ветров". На этом обсуждение завершилось, ему самому вся эта профилактика уже надоела.

Конечно, обличали меня не все время. Кузнецов даже анекдот рассказал, про диссидентов. Мол, есть три их разновидности – досиденты, сиденты и отсиденты. Анекдот, правда, я уже слышал раньше от одного стукача, упомянутого выше.

Я тоже расслабился и как-то даже поддался на уговоры брюнета Кузнецова. "Ну хоть людей, которым делали прививки, вы назвать можете?!" Прививки от сибирской язвы делали целому Чкаловскому району, десяткам, а то и сотням тысяч людей, то, что это тоже секрет, никак нельзя было подумать. Ну я и пошел навстречу любознательному следователю, назвал пару знакомых. И напрасно, фамилии были доложены наверх, хоть какой-то улов от допроса. Были даже приняты меры – соответствующие кураторы немного попилили привитым гражданам мозги.

Я все-таки поддался уговорам Александров Борисовичей и написал покаяние. О чем А. Б. Григорьев позднее в разговоре со своим тезкой выразился так: "Он то куражился, то каялся!"

Но это уже было ни к чему. Обошлось и так. Мне сразу предъявили бумагу под почтенным заголовком "Прокурорское предостережение". Не было там ничего ни про сибирскую язву, ни про происки врага. Начало звучало примерно так: "В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. "О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия". Управление КГБ по Свердловской области...", а дальше плохо помню, забрали бумажку. Там вроде бы шли общие фразы типа "нарушать нельзя, а то хуже будет". С чем и отпустили. Перед уходом я все же поинтересовался насчет подписки о неразглашении. Но ответа не получил. Воспринял это как свободу слова.

Через пару дней вспомнил, что Григорьев говорил как-то про ОБХСС, которое займется Урецкой за ее гомеопатию. Почему бы не передать столь важную новость и не позвонить супругам Урецким? Трубку взял Сережа Урецкий, но ее сразу же перехватила Тата.

Ясно, кто дома хозяин. Разговор получился интересный.

Я: "Тут мне в одной уважаемой организации сказали что-то про ваш кабинет и ОБХСС, поэтому и звоню, на всякий случай".

Тата: "Какой организации?"

Я: "Ну той самой".

Тата: "Ленина, 17?"

Это она вспомнила о том, как я спросил у майора Кузнецова, куда это он меня везет, "на Ленина, 17?" Начальство поделилось с ней этим моим ляпом, и посмеялись чекисты дружно. А теперь она это пошутила для мужа.

Уточняю: "Нет, они там рядом..."

Тата: "Он меня еще предупреждает!" – видимо, для мужа. Продолжает: "А зачем они тебя вызывали? Ты меня выдал?"

Включила уже меня в соучастники. Пытаюсь оправдаться: "Да, пришлось, требовали назвать знакомых врачей... Но это дело вас не касается!"

Тата: "А про кабинет ты не сказал?"

Я: "Нет".

Тата: "Молодец! Понимаешь, ко мне в Москве, около "Детского мира" подошли двое, приглашали в машину, очень вежливые, расспрашивали насчет сибирской язвы. Что там было?"

Я: "Ну да, это из-за сибирской язвы".

Тата: "Один помоложе, брюнет, лет так 32, второй так лет 45, лысоватый, они и с тобой говорили?"

Это уже чисто женское любопытство касательно майора Кузнецова и полковника Кондратьева, которых она описала со знанием дела. А вот куратора УПИ майора Григорьева Татьяна Яковлевна, вроде, и не знала, зато была знакома с генералом Самариним, проректором по режиму.

Ну я не могу не намекнуть на неточность: "Вряд ли в Москве с вами говорили те же люди, что и со мной, далеко. Не будут же они летать туда-сюда".

Тут Урецкая изложила свою позицию: "Да я их сразу отшила! С ними надо уметь разговаривать! Я им сказала, что знакома не с тобой, а с семьей, лечила бабушку. А вообще я очень потрясена, мы с Сережей срочно прилетели. А как у тебя дела?"

Я: "Да, вроде, кончилось, не знаю".

В конце концов Тата все же что-то учуяла: "Почему это голос у тебя такой спокойный?!"

Пришлось закругляться.

А с работы меня все же выгнали. Но не за язву. Как объяснил Александр Борисович другому Александру Борисовичу: слишком много болтал. Может быть, но я ведь не давал подписку о неразглашении! Хотя, конечно, не нуждался КГБ в излишней славе и популяризации его методов и достижений. Ну они и обиделись. В институт пришло официальное письмо из органов с требованием уволить доцента за аморальный поступок по статье насчет аморалок. Сам не читал, но меня просветили, закончив боевой фразой: "И чтоб ноги твоей здесь больше не было! Пиши по собственному желанию!"

Немного о дальнейших судьбах героев-чекистов. Велемир Цекич занялся бизнесом в далекой Черногории. Может помочь с покупкой недвижимости на берегу Адриатического моря.

Татьяна Яковлевна в Москве.

Полковника Кондратьева по случаю распада СССР перебросили с идеологического фронта на таможеню. Место опасное, по слухам, там ему не повезло.

У Сергея Урецкого клиника в городе Дюссельдорфе, в центре Германии. Представляется кандидатом медицинских наук и обещает вернуть молодость желающим старикам. Правда, только русскоязычным, поскольку нет в Германии понятия кандидат наук, да и реклама у него была на русском. Подрабатывает на посреднических услугах (15%) на устройстве больных детей в немецких больницах.

Dr. Serge Uretzki
Medizinischer Direktor

Ну и совсем пикантное!

"15 августа 2016 РЕН ТВ *Чиновники с Урала "подлечились" за рубежом за бюджетные миллионы*

Махинации вскрыли ревизоры Счетной палаты. Так лечение в престижной немецкой клинике в 2014 году обошлось свердловской казне почти в 11 миллионов рублей. Посредником выступал Сергей Урецкий, руководитель медицинского центра в Дюссельдорфе. За свои услуги он получал щедрый гонорар - по данным Счетной палаты, не менее 15 % от суммы каждой сделки."

Их дочь Катя воплотила в жизнь мечту мамы, закончив балетную школу. Эта чудесная профессия была весьма востребована в органах при Советской власти. Но власть переменилась... Балерины нынче там не так нужны. Но все же ребенок живет в солнечной Калифорнии. Ее ник в интернете "Котенок", как ее когда-то в детстве звала мать. Трогательная деталь.

Ссылки

---

¹ Langmur A., Popova I., Shelokov A., Yampolskaya O. The Sverdlovsk Anthrax Outbreak of 1979 // Science. V. 166. 1995. P. 1202–1208.

² Мельман Д. Историк смерти: Главный санэпидврач СССР академик Бургасов: «Эпидемия сибирской язвы была диверсией» // "Московский комсомолец" №2117, 7 апреля 2006. // Русский израильтянин. № 18(486). 2006. 1– 8 мая.

---

³ *Безденежных И.С., Никифоров В.Н.* Эпидемиологический анализ заболеваний сибирской язвой // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1980. 5(111).

⁴ Человек и закон: Журнал. 1980.117. 9(70).

⁵ С. Парфенов. Смерть из пробирки Урал, 2008, 3